

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК МЕСТО
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ОСНОВА
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА

Мининков Н. А.

GREAT PATRIOTIC WAR AS THE
PLACE OF RUSSIAN HISTORICAL
MEMORY AND BASIS FOR SOCIETY
SELF-IDENTIFICATION

MINNIKOV N. A.

В статье рассматривается Великая Отечественная война как место исторической памяти. Уделено внимание основам самоидентификации российского общества.

The article considers Great Patriotic War as the place of historical memory. Special attention is attached to basis for Russian society self-identification.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, самоидентификация.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, self-identification.

УДК 94

За последние несколько десятков лет проблематика исторической памяти и исторического сознания, самоопределения и самоидентификации культурно-исторических сообществ выступила в качестве одной из ведущих проблем научного исторического познания. Это не случайно. Путь к ее формированию определялся всем ходом развития социально-гуманитарного познания, начиная с рубежа XIX–XX вв., когда субъективные основы восприятия исторического процесса, реальностей прошлого и настоящего и их значение для сознания общества становились очевидны. Этому также способствовало то, что в качестве философской основы исторического познания все более активно и аргументировано стали выступать разные стороны субъективного идеализма. В свете их утверждалось представление о том, что реалии прошлого, его факты и события, явления и процессы, сами исторические личности выступают в виде их идеальных образов и связанных с ними сюжетов.

Актуальность проблематики исторической памяти и исторического сознания также возрастала в связи с тем, что все более очевидной становилась их значимость для самоидентификации общества, для формирования его представлений о настоящем положении и будущих судьбах. Самая тесная связь между прошлым, настоящим и будущим, как показывала трагическая история новейшего времени, имела место в сознании людей и основывалась на истории и ее опыте. В самом деле, историческое сознание является частью общественного и индивидуального сознания, обращенной к прошлому. Но часть эта исключительно важная. Прошлое выражено в сознании, в его образах и сюжетах. А знания о нем и оценки не только создают основы для исторического опыта. При опоре на этот опыт общество и личность вырабатывают свое отношение к реалиям окружающей жизни, формируют представления о будущем. На нем строится культура общества в целом, которая складывается и развивается с учетом анализа и обобщения опыта прошлого в сознании людей, основывается на традиции и исторична по своей внутренней сущности. Совершенно очевидно

также, что историческое сознание пронизано мифологией, а мифы о прошлом, относящиеся к отдельным его фрагментам, к отдельным событиям и личностям, образуют в совокупности мифологемы. Такие мифологемы содержат объяснительную модель прошлого, но на фантастической и, по существу, ложной основе, поскольку между мифом и исторической реальностью имеются принципиальные различия. Они вполне улавливаются современными историками, которые нередко формулируют исследовательскую проблематику на путях антитезы между историческими мифами и стремлением к приближению в процессе исторического познания к реальности прошлого. В них научная историческая мысль противопоставляет себя массовому историческому сознанию, заполненному мифами, и предлагает результаты научного познания как альтернативу мифологическому истолкованию истории.

Впрочем, взаимоотношения между мифологизированным историческим сознанием и научной историографией очень сложны и противоречивы. Они не соответствуют представлению о вытеснении исторических мифов из массового сознания по мере развития научного исторического познания, которое сложилось еще в эпоху Просвещения. На самом деле эти взаимоотношения, как показывала история культуры, история самой исторической науки, носят несравненно более сложный и противоречивый характер, а мифы и мифологемы массового исторического сознания способны оказывать в отдельных случаях весьма значительное воздействие на профессиональное сознание историка. Между тем преодоление исторической мифологии, распространение и утверждение в массовом сознании основ научных исторических знаний и научного понимания исторического процесса составляет одну из важных и всегда актуальных задач исторической науки большого общественного значения. Для современного сообщества, а особенно для российского, решение этой задачи представляет большую значимость. Мифы и мифологемы на темы прошлого не только расходятся с реальностью, они, как правило, несут в себе немалый заряд консерватизма и традиционализма. В них содержится идеализация, романтизация и апологетика прошлого и своей культуры, героизация исторических предков. Также в них закреплен и обоснован вроде бы на «наглядных» примерах исторического прошлого образ врага, содержится четкое представление о «своем» и «чужом», которое воспринимается не только

как «не свое», но и как «враждебное», содержится тенденция к преувеличению исторической значимости «своего» прошлого по сравнению с прошлым других культурно-исторических сообществ.

Очевидно, что историческая мифология, во-первых, не ведет к правильной ориентации человека и общества в реалиях окружающего мира. Не способное представить в своем сознании четкую историческую ретроспективу, оно не способно и составить перспективу своего развития, поскольку миф и утопия имеют одну природу. В них содержится фантастическое представление, но если миф обращен в прошлое, то утопия, построенная на основе такого исторического мифа, создает искаженное представление о будущем данного общества. Историческое сознание, искаженное мифами, не может обеспечить для сообщества возможность усвоения уроков прошлого. Они создают такую культурно-историческую ситуацию, которая встречалась в разные эпохи и в разных обществах и заключалась в том, что история «ничему не учит». Но если даже она и не учит, то она «проучивает за незнание уроков» [1], как очень точно отмечал В. О. Ключевский. Историческая мифология не только искажает представление об истории. Оно стоит на пути формирования современного общества, построенного на основах свободы, демократии и толерантности, исключающего пережитки феодализма и сословности, тоталитаризма и авторитаризма.

Для понимания структуры исторического сознания большое значение имеет концепция мест исторической памяти, выдвинутая в конце XX в. П. Нора и его последователями. Едва ли случайно эта идея появилась в исторической мысли Франции. По существу в течение всего XX в. французская историческая наука шла в авангарде научной историографии и выдвигала такие направления в ее развитии, которые являлись актуальными для современной мировой культуры. Так, ответом на потребности европейской культуры в эпоху ее острейшего кризиса после первой мировой войны стала школа «Анналов». Она четко выставила задачу «апологии истории», а по существу аргументированное отстаивание таких основ европейской культуры, как гуманизм, рационализм и интеллектуализм, защиту этих основ от воинствующего мракобесия и иррационализма [2]. Это был ответ на вызов со стороны мировой реакции. Для нее было в высшей степени характерно стремление к отказу от истории, претензии на построение новой культуры и

нового человека, не отягощенного грузом «устаревшей» культуры, способного считать такую историческую категорию, как совесть — «химерой», к чему призывали идеологи нацизма в Германии. Но способность к выдвиганию новых и продуктивных идей французская историческая мысль не утратила и во второй половине XX в., выражением чему и стала концепция мест исторической памяти. Она, несомненно, имеет междисциплинарный характер и может быть востребована в разных дисциплинах социально-гуманитарного цикла, в частности, в культурологии и в истории культуры, в истории исторической науки и в конкретных национальных историях отдельных стран и сообществ.

Говоря о местах исторической памяти, основоположник этой концепции, П. Нора определял «место памяти» как «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [3], наделили их некой «символической аурой» [4]. Он относил к ним самые разные культурно-исторические явления. Это могли быть события, явления и процессы реального прошлого, но это также остатки прошлого в виде рукописей и книг, вещественных остатков исторических реалий, мест, где происходили исторические события, и, наконец, это разного рода рукотворные памятники и монументы. В общем, к местам исторической памяти П. Нора отнес все то, что возбуждает историческое чувство, будит историческую мысль, заставляет личность и общество обратиться к истории, к размышлению над прошлым, к попыткам уяснить его уроки.

В свою очередь, места исторической памяти неодинаковы, и среди них имеет место своя иерархия. Они могут иметь местное значение, получать распространение в пределах региона или в рамках социума или культурно-исторического сообщества. Вместе с тем имеются места исторической памяти несравненно большего значения, общенационального статуса. Отдельные же из них могут иметь еще более широкое значение и стать местами исторической памяти мировой культуры. К таким местам исторической памяти относится то, что связано с мировыми религиями. Они могут быть также основаны на исторических потрясениях и катастрофах мирового значения. Это прежде всего крупнейшее потрясение новейшей истории — Вторая мировая война. Эта война и ее составная часть — Великая Отечественная —

является одновременно для России и всего постсоветского пространства местом национальной исторической памяти. Но Великая война является местом исторической памяти и для отдельных социумов или локусов на всем этом пространстве. Следовательно, память о самой большой в мировой истории войне имеет место во всех конкретных проявлениях и выражениях российской исторической памяти и в исторической памяти всего человечества.

Места исторической памяти выстраиваются в соответствии с еще одной иерархией. Так, одни из мест исторической памяти, несомненно, занимают свое место в историческом сознании. Однако воздействие их на него, на разум и эмоции индивида и общества может быть неглубоким. Может иметь место даже своего рода «умирание» места исторической памяти в меняющейся культурно-исторической ситуации. Так, мы в наши дни являемся свидетелями угасания одного из таких мест памяти, имевшего для советского времени и его культуры системообразующее значение. В самом деле, «дедушка Ленин» все меньше и меньше интересует наших соотечественников, несмотря на сохранение многочисленных монументов, на наличие мавзолея на Красной площади, на стремление определенных политических сил сохранять и поддерживать культ его личности, сформированный в советское время. Чем это объясняется, пока едва ли до конца понятно. Но во всяком случае для своего сохранения и закрепления в качестве места исторической памяти того или иного явления реального прошлого необходимо, во всяком случае, чтобы оно могло поразить мысль и чувства современников и потомков, чтобы сменявшие друг друга поколения не теряли к нему интереса. Такие места исторической памяти могут быть оценены как сильные. В качестве такого места для исторического сознания новой и новейшей России является Петр Великий, который для русской культуры XVIII в. был наиболее сильным из таких мест. В XIX в. произошло множество событий, причем буржуазные реформы при Александре II были еще более значимы для страны, чем реформы Петра Великого. Тем не менее, ни одно из мест российской исторической памяти XIX в. не могло сравниться по своему значению с первым императором России. И только XX в. с его политическими и социокультурными потрясениями огромной силы привел к тому, что образ этого царя сошел как место национальной исторической памяти с авансцены, хотя и сохранился

как весьма значимое ее место. На первый план вышли места, основанные на образах и сюжетах XX в., связанные сначала с революцией и гражданской войной, затем с массовыми репрессиями и, наконец, с Великой Отечественной войной.

Иерархия мест исторической памяти может быть также связана с их генезисом. Одни из них формируются искусственно и в определенных интересах. За последние несколько лет наше общество выступает свидетелем такой искусственной попытки, когда историческое событие, не оставившее в исторической памяти сколько-нибудь существенного следа, связанное с уходом 26 октября 1612 г. из Московского Кремля польского гарнизона, пытаются превратить в новое место национальной исторической памяти. Ради этого был учрежден государственный праздник. Из этой попытки власть едва ли извлекла позитивный для себя и для общества результат. В качестве «своего» праздника эту дату воспринял лишь один сегмент российского общества – националисты и доморощенные нацисты, с маниакальным занудством повторяющие из года в год мрачные «русские марши» со стилизованными свастиками при трогательной заботе со стороны милиции. Остальное общество или относится к этому празднику вполне равнодушно, или воспринимает его как очередной выходной вместо привычного 7 ноября. Следовательно, в целом все, что связано с этим днем, свидетельствует, что искусственное насаждение места исторической памяти, его кабинетное конструирование политтехнологами и некоторыми историками не может быть успешным.

Конечно же, в подобных политтехнологических мерах, связанных с искусственным конструированием исторической памяти и общественно-исторического сознания, память о Великой Отечественной войне не нуждается. День Победы 9 Мая, День памяти и скорби 22 июня являются общенародными памятными датами, которые без всяких указов и указаний начальства прочно укоренились в массовом российском историческом сознании. Это не случайно, поскольку события, связанные с этими датами, относятся не только к макроистории государства и общества, но и к микроистории отдельных мест, отдельных семей, которые хранят как материальные свидетельства, так и предания об этой войне. Зачастую эта память о войне, существующая на уровне микроистории, не поддается корректировке посредством так называемого «патриотического воспитания», которое не утратило признаков офи-

циозного мероприятия, внедряющего зачастую иной, «парадный» образ войны. Он не соответствует памяти о войне в сознании ветеранов, но вполне соответствует стремлению представить Победу как результат действий всемогущей государственной власти, лично «самого эффективного менеджера» новейшей российской истории.

Намного важнее для истории, чем официальное «патриотическое воспитание», меры, направленные на сохранение исторической памяти о Великой войне, ее реалиях, конкретных событиях и эпизодах. Каждое событие, каждый эпизод, на первый взгляд незначительный, из жизни фронта и тыла, из жизни наших людей в партизанских отрядах и на оккупированных территориях, в гитлеровских застенках, концлагерях и гетто, из жизни советского ГУЛАГа, вносящего свой вклад в победу, важен и интересен. Он имеет значение и сам по себе, поскольку за ним стоят судьбы людей, и для формирования в сознании общей картины самого главного и трагического события прошлого столетия. Исключительно важную по своему значению работу проводят поисковики, благодаря труду которых устанавливаются конкретные имена и эпизоды. Свой вклад вносит школа, которая привлекает учащихся к поиску, связанному с установлением фактов участия в войне своих родных и земляков, воссоздающих эпизоды из жизни своего городского или сельского поселения в войне, которые находят некоторые уникальные документы и нарративные материалы, относящиеся к тому времени. И конечно же для морального состояния ветеранов, самых заслуженных людей нашего общества, что несравненно важнее, чем десяток портретов генералиссимуса-тирана в Москве, было бы внимание лично к ним. В том числе это может проявляться в форме записи их свидетельств, относящихся к периоду войны, благодаря чему историки получают новые, важные и своеобразные источники, позволяющие расширить объем наших знаний о войне. Последние мемуарные записи об Отечественной войне 1812 г., как отмечал исследователь русской мемуаристики, посвященной этой войне, А. Г. Тартаковский, делались еще в восьмидесятих годах XIX в. [5].

Знание правды о событиях военного времени составляет интеллектуальную потребность нашего общества уже в течение многих лет. Едва ли случайно в качестве антитезы официальным празднованиям, развернувшимся с 1965 г., с помпезными парадами, медью и литаврами, возникло понятие

«окопной правды», появилась литература, написанная бывшими рядовыми и младшими офицерами войны, в которой просматривалось недовольство официозным воспроизведением ее истории. Такая потребность не может уживаться с попытками заигрывания с обществом, которые могут проявляться по-разному. Так, заявление о том, что «мы должны гордиться своей историей», не вызывает сомнения. Но только при одной существенной оговорке. Нашему обществу следует не только гордиться своей историей, но и, несомненно, стыдиться некоторых ее сторон, причем весьма существенных. Но сказать об этом прямо могут не все, и уж во всяком случае не те, кто организует развешивание сталинских изображений.

Едва ли могут сказать об этом и те, кто заявляет о невиновности советского народа в событиях 1940 г. в Катыни, непосредственно предшествовавших Великой Отечественной войне. Но это заявление находится в вопиющем противоречии с тем, что значительно ранее, почти за два века до наших дней, утверждал Гегель, подчеркивавший, что всякий народ имеет такую власть, которую он заслуживает. Заявление классика мировой философской мысли не только справедливое, но и честное. Он не собирался льстить своим соотечественникам и современникам, пруссакам, имевшим то, что они имели. Хотя сам Гегель остановился перед тем, чтобы делать вывод о негодности прусской государственной системы и видел в этом государстве вершину политических достижений человечества. Очевидно, что такая его характеристика Пруссии совершенно не соответствует революционной сущности его же мысли о соответствии государственного строя характеру народа, имевшему такое государство.

Едва ли будет правильно, если российскому обществу будет навязываться идея невиновности «советского народа» за все негативные явления того времени, в том числе периода Великой Отечественной войны, за массовые репрессии и другие явления. Сталинский режим был способен творить нечто подобное при молчании абсолютного большинства общества, при уверенности его части в том, что «у нас зря не сажают», при твердой вере в существование враждебного окружения, в массовый шпионаж, при готовности за элементарным неумением вчерашних крестьян работать с техникой видеть сознательные диверсии. Расстреливал в Катыни не народ. Но народ принял навязанную ему властью атмосферу внутренней жизни страны, при которой власть могла запустить

механизм массовых репрессий. И если в сознание нашего общества войдет идея не только исторических заслуг поколения, выдержавшего войну и одержавшего победу, но и его исторической вины за массовые репрессии, за советский вариант тоталитаризма, это будет показателем его высокой гражданской зрелости, способности мыслить историческими категориями. Это будет самой большой гарантией от повторения чего-либо подобного, от перерастания репрессий точечных в репрессии массовые. Принять заманчивое для некоторых предложение об отсутствии ответственности советского народа, в том числе и за Катынь, и за репрессии вообще опасно для современного российского общества. Оно с двойным дном. Общество, не способное отвечать за свое прошлое, превращается из субъекта истории в ее объект, в материал для начальственных прожектов и экспериментов, осуществляющихся по принципу: «хотели как лучше, а получилось как всегда», в том числе по внедрению в него основ «суверенной демократии». Оно теряет свою самостоятельность.

Это позволит также завершить процесс самоидентификации нашего общества, осознания им своего самостоятельного места в рамках свободного демократического мирового сообщества. Потребность в этом велика. Еще со времени объединения русских земель в составе Московского государства и на протяжении веков вплоть до настоящего времени Россия объединяла, по оценке современного историка А. С. Ахиезера, не единое, но глубоко «расколотое общество» [6]. Этому соответствовали наблюдения и мысли, делавшиеся ранее. Так, у А. С. Грибоедова Чацкий отмечал, что «умный, бодрый наш народ» «нас» «по языку», и не только по языку, «считал за немцев», что составляло своеобразный итог развития страны со времени преобразований Петра I в сфере культуры. В дальнейшем В. И. Ленин в целом справедливо говорил о том, что имеется две культуры в каждой национальной культуре [7], причем эта мысль особенно ярко проявлялась на российском материале. Различие между «господской» и «народной» культурой не преодолела советская власть. Несмотря на попытки сделать это, уже в гражданскую войну в Красной армии имело место положение, остро замеченное Григорием Мелеховым, когда он заявлял Штокману, что ваша власть — «поганая власть», потому что комиссар в кожанке, а красноармеец, «Ванёк», в обмотках. Новая советская номенклатура не только не довела этого до конца, но и

не пыталась стереть грань, отделявшую ее от населения. Тем более ясно и уже совершенно открыто прослеживается она и до сих пор. Результатом такого социокультурного раскола становились потрясения, переживавшиеся нашим обществом в новое и новейшее время. Гарантий от их повторений нет. Едва ли случайно глубокий современный российский исследователь проблем русского бунта В. Я. Мауль заявлял, что такое явление – «неотъемлемый элемент отечественной истории, свойственный, прежде всего, традиционному обществу XVII–XVIII вв.». Однако нечто похожее на «проявления бунтарства» может иметь место «и на исходе XX столетия» [8], что может быть принято за бунт.

Национальные места исторической памяти способны служить сплочению общества, даже при сохранении его раскола. Сплочение состоит в том, что то, что относится к таким местам памяти, волнует сообщество в целом, речь о нем понятна всем. Однако разница в оценках, которые могут быть диаметрально противоположны, раскалывает общество. Это видно в отношении многих мест российской исторической памяти, например, Ивана

Грозного и Петра Великого, Ленина и Сталина. Однако Великая Отечественная война как место российской исторической памяти занимает в этом отношении особое место. Оно не только сильнейшее по своему воздействию на рациональную и эмоциональную сторону личности и общества. Оно еще и несравненно более однозначное, чем другие, поскольку в ходе этих событий народ и страна стояли в авангарде мировых сил, отстаивавших мир от коричневой угрозы, от наиболее воинствующей и опасной формы национализма — германского нацизма, отстаивали правое дело и победили. Заслуги нашего народа в этом безмерно велики. И не нуждается он в этой связи в убогой, юродивой «защите» в форме снятия с него исторической ответственности за установление чудовищной сталинской диктатуры, за Катынь, за массовые репрессии вообще. Как общенациональное место исторической памяти. Великая Отечественная война способна в определенных пределах содействовать преодолению состояния социокультурного раскола нашего общества и осознать свое достойное место в мировом сообществе культур.

Примечания

1. Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 349.
2. Б. Г. Могильницкий справедливо отмечал: «В век кровавых войн и революций, тотального насилия над человеческой личностью “Анналы” провозглашали веру в Человека своим высшим нравственным принципом. Особенно ярко присущее им гуманистическое начало получило выражение в деятельности М. Блока, ставшего своеобразным символом школы» // Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Томск, 2003. Вып. 2. С. 38.
3. Нора П. Как писать историю Франции? // Франция — память. СПб., 1999. С. 79.
4. Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция — память. С. 40.
5. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика (Опыт источниковедческого изучения). М., 1980. С. 142.
6. С. Я. Матвеева отмечала: «Раскол стал той исходной ключевой метафорой, которая была положена А. Ахиезером в основание представлений о российском обществе и стала центральной категорией системы понятий, разработанных им для объяснения и понимания социокультурных процессов, происходящих в России. Появился интегральный образ нашего общества, наглядно выражающий наше отставание в решении проблем от их накапливания, недостаточную способность к результативной коммуникации, к диалогу» // Матвеева С. Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 10.
7. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120–121.
8. Мауль В. Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск, 2003. С. 160.

Сведения об авторе:
 Мининков Николай Александрович,
 д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой
 специальных исторических дисциплин и доку-
 ментоведения Южного федерального университе-
 та (Ростов-на-Дону).
 E-mail: mininkov@aaanet.ru